

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.8>

Осьмухина Ольга Юрьевна, Карпов Антон Дмитриевич

Репрезентация исторического процесса в "Истории Российского государства" Бориса Акунина

Целью исследования становится анализ специфики репрезентации исторического процесса в "Истории Российского государства" Бориса Акунина. Научная новизна состоит в том, что впервые целостно осмысливается рецепция отечественной истории Борисом Акуниным, его историософская концепция. Полученные результаты показали, что идея исторического процесса, репрезентованная в "Истории Российского государства", ранее фрагментарно воплощенная в "фандоринском цикле", "Аристономии", отражает позицию самого писателя - это "западничество" особого типа: при всей направленности на ценности просвещения, Акунин сохраняет критическое отношение к их реальным общественно-политическим проявлениям в сугубо русском контексте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 41-46. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. 1945. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 602 с.
4. Муратова И. А. Телесность как доминанта культуры постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (27). Ч. 1. С. 143-146.
5. Огурцов А. П. Тело [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. URL: http://enc.biblioclub.ru/Termin/176689_Telo (дата обращения: 29.05.2020).
6. Одегов И. А. Культура, рассказы [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/1/kultury-rasskazy.html (дата обращения: 28.05.2020).
7. Саулембек Г. Р. Постмодернизм в современной прозе. Аннотация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaznu.kz/content/files/pages/folder17928/Аннотация%20Саулембек%20Г.Р..pdf> (дата обращения: 24.05.2020).
8. Сорокин В. Русский рассказ XX века. Антология [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakharov.ru/knigi/katalog/russkiy-rasskaz-hh-veka-antologiya.html> (дата обращения: 20.05.2020).
9. Тульчинский Г. Л. Телоцентризм [Электронный ресурс] // Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. URL: <http://hpsy.ru/public/x3051.htm> (дата обращения: 11.06.2019).
10. Фрейд З. Я и Оно [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freyd/ya_ono.php (дата обращения: 29.05.2020).

Aspects of Corporality and Anagram: Text as Body. Collection of Stories by I. A. Odegov “Stump”

Ovcherenko Ulyana Vladimirovna
Lomonosov Moscow State University
ovcherenko1993@gmail.com

The paper analyses the collection of stories by I. A. Odegov “Stump”. The research objectives are as follows: to examine representation of the notion “corporality” in the stories and to prove that the text contains an anagram of the body. The article considers the author’s techniques used to analyse and realize the concept “corporality”, explores the anagram of the book existence in the space of its own text. Scientific originality of the study involves a choice of the research material (the story collection “Stump” has not been previously investigated in domestic literary criticism) and clear and precise analysis of postmodernist conceptions influence on I. Odegov’s creative work. The conclusion is made that I. Odegov skilfully creates a textual anagram using the constant of corporality in his stories.

Key words and phrases: I. Odegov; postmodernism; corporality; Russian-language literature in Kazakhstan; modern prose.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.8>

Дата поступления рукописи: 27.05.2020

Целью исследования становится анализ специфики репрезентации исторического процесса в «Истории Российского государства» Бориса Акунина. *Научная новизна* состоит в том, что впервые целостно осмысливается рецепция отечественной истории Борисом Акуниным, его историософская концепция. *Полученные результаты* показали, что идея исторического процесса, репрезентованная в «Истории Российского государства», ранее фрагментарно воплощенная в «фандоринском цикле», «Аристономии», отражает позицию самого писателя – это «западничество» особого типа: при всей направленности на ценности просвещения, Акунин сохраняет критическое отношение к их реальным общественно-политическим проявлениям в сугубо русском контексте.

Ключевые слова и фразы: Борис Акунин; авторское мировидение; историософия; историческая проза; современная русская литература.

Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., проф.

Карпов Антон Дмитриевич

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
osmukhina@inbox.ru; antonkarpov1996@yandex.ru

Репрезентация исторического процесса в «Истории Российского государства» Бориса Акунина

Общеизвестно, что на рубеже XX-XXI вв. обострился интерес к отечественной истории, что связано не только с переходным характером эпохи, попыткой понимания того, «куда мы движемся», но и с возникшей в связи с этим социальной полемикой, актуализацией общественного запроса на построение «единой концепции истории» – непротиворечивого, объективного, аналитического описания российского исторического процесса, преодоление субъективизма, «госзаказа», излишнего идеологизирования, каким были отмечены годы «перестройки». Как справедливо отмечает Я. В. Солдаткина, именно тогда предпринимаются «попытки переосмотра» советского прошлого, наблюдается «отказ от векторной концепции времени, характерной для отечественной историографии, влияние постмодернистской философии, ощущение “краха империи”» [26, с. 29], а также появляются псевдонаучные изыскания в области «новой хронологии» [18]. Все это, безусловно, повлекло

за собой появление широкого пласта различных модификаций исторической прозы на рубеже XX-XXI вв. – от постмодернистских исторических детективов Бориса Акунина («фандоринский цикл»), романов альтернативной истории Хольма Ван Зайчика, А. Терехова («Каменный мост»), П. Крусанова («Укус ангела») до историко-философских повествований Л. Юзефовича («Журавли и карлики»), Захара Прилепина («Обитель»), Е. Водолазкина («Лавр»), М. Голубкова («Миусская площадь»), авантюрно-приключенческого «Тобола» А. Иванова и др.

В связи с этим *актуальность* настоящего исследования очевидна и объясняется необходимостью изучения жанровой модификации и сюжетно-тематической специфики современной исторической прозы, в которой «История Российского государства» Бориса Акунина принадлежит особое место. Это не просто очередной «проект» писателя-постмодерниста, но «полная перезагрузка» Акунина-Чхартишвили, как указывает М. А. Черняк, связанная прежде всего с изменением читательской аудитории, ибо Акунин-филолог «тонко улавливает» стилистический облик эпохи, тогда как Акунин-маркетолог «четко фиксирует изменения в запросах читателей» [27, с. 184]. Уточним, что дело здесь не только и не столько в ориентации на читательскую аудиторию. Акунина-романиста, хорошо знакомого с трудами Н. М. Карамзина и В. О. Ключевского, с учением Л. Н. Гумилева об этногенезе и евразийстве [12], прогностическими размышлениями Г. Д. Гачева о неоевразийстве и американизме [10], на протяжении всего творческого пути интересовала специфика исторического развития России, ее роль в современном мире. Отсюда его попытки постоянного художественного постижения закономерностей и противоречий мирового исторического процесса: обращение в «Аристократии» к революционным событиям 1917 г., в «фандоринском цикле» – к эпохе русско-турецких войн, правлению Николая II и др., в романах проекта «Анатолий Брусникин» [21] – к переломным моментам отечественной истории (ранние годы петровского правления, кавказские войны в XIX в., события крымской войны). Много томный труд писателя «История Российского государства», содержащий его трактовку исторического процесса, но до сих пор остающийся если не вне, то явно на периферии научного интереса (исключения составляют лишь несколько статей, посвященных отдельным томам [14-17; 19; 23-25; 28]), является, на наш взгляд, весьма примечательным источником не только для анализа художественной прозы писателя, но и для осмысления историософии самого Акунина-Чхартишвили. Соответственно, *задачи* исследования: проанализировать «Историю Российского государства», изучить репрезентацию отечественной истории процесса в ней, осмыслить концепцию исторического процесса самого прозаика.

Теоретической базой статьи стали исследования, посвященные творчеству Бориса Акунина [9; 13-14; 16-17; 19-21; 23-25] и развитию исторической прозы [8; 18; 22; 26-28]. *Методологической основой* работы явились принципы сравнительно-исторического, сравнительно-типологического, культурно-исторического, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Практическая значимость статьи состоит в том, что её результаты, материалы и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории и теории отечественной литературы, курсах по выбору и факультативных курсах, посвящённых углублённому изучению современной литературы, исторической прозы и творчества Бориса Акунина; при написании соответствующих глав учебников и учебных пособий.

Итак, Борис Акунин замыслил масштабный проект под названием «История Российского государства» (уже в заглавии очевидна аллюзия к карамзинской «Истории государства Российского», которая, как известно, создавалась с 1804 по 1821 гг. и была опубликована в одиннадцати томах) еще в конце 2000-х гг. как серию книг из девяти томов, повествующих о становлении русской государственности, а также о ключевых событиях истории Руси. Первая книга «От истоков до монгольского нашествия. Часть Европы» вышла в 2014 г., а на сегодняшний день выпущена седьмая – «Первая сверхдержава. Александр Благоденный и Николай Незабвенный» (2020). Магистральная задача для Акунина-историка – объективный, достоверный пересказ прошедшего, свободный от какой-либо идеологии. Для этого, по заверению писателя, он прочел тысячи страниц исторических трудов, а из массы фактов выбрал только неопровержимые [7]. Сомнительные события оговаривались, откровенные преувеличения и замалчивания обличались. Среди целей в том же предисловии к первому тому «Истории...» Акунин выражает стремление раскрыть ряд до сих пор животрепещущих, «вечных» тем российской историографии: во-первых, возникновение древнерусского государства (приблизительная дата и геополитические причины); во-вторых, основные переломные моменты, менявшие судьбу страны и вектор ее развития; в-третьих, выявить генетическую связь современной России с Древней Русью.

Кроме того, немаловажным для Бориса Акунина является вопрос о роли личности в историческом процессе. Этим объясняется пристальное внимание, уделенное биографии ключевых «творцов» отечественной истории (Рюрик, Олег, Чингисхан, Иван IV Грозный и т.д.), о чем нередко свидетельствует сама композиция текста. Например, первый том построен как последовательное описание правления наиболее ярких князей с указанием их вклада в формирование первого русского государства [Там же]. Среди целевой аудитории писатель указывает людей, которые хотели бы лучше узнать историю своей страны. Профессионалы же, по его мнению, вряд ли почерпнут что-то новое [Там же].

Примечательно, что такой масштабный по целеустановке и реализации проект, тем более озаглавленный с очевидной отсылкой к труду Н. М. Карамзина, конечно, привлек внимание литературоведов и историков, приведя в возмущение последних. Так, П. Корчагин в статье с ироничным названием «Карамзин для бедных и ревнители официальной народности» указал на некомпетентность писателя по ряду важных вопросов: от незнания профессиональной терминологии до своевольной трактовки исторических событий там, где есть точные источники, не вызывающие сомнений [15]. Отмечая, что среди трудов, послуживших основой для написания книг, отсутствуют исследования современных историков, ученый указал на крайнюю «узость» круга специалистов (Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский, С. Платонов и т.д.), на которых ссылается Б. Акунин,

чьи труды «морально устарели», поскольку большинство являются дореволюционными [Там же]. Стоит отметить, что П. Корчагин писал статью вскоре после выхода первых томов. В дальнейшем Борис Акунин включает в список источников работы актуальные исследования, ссылается на статьи современных историков. Ю. А. Петров был удивлен идеей о том, что в XXI в. можно пытаться уподобиться Н. Карамзину или С. Соловьеву с их масштабными работами, поскольку современная наука слишком далеко шагнула вперед и усложнилась, соответственно, одному человеку не под силу такой масштабный труд – в истории России есть вопросы, на которые исследователи тратят десятки лет [14]. И. Н. Данилевский отказывает книге в звании исторической и характеризует ее как фолк-историю, указывая на погрешности в методологии и фактические неточности. Являясь консультантом второго тома серии, он соглашается с тем, что писатель имеет право на субъективную точку зрения, но все же считает книгу ненаучной [Цит. по: 28]. Н. П. Соколов критикует композицию текста и отмечает, что перечисление князей и их жизнеописания в первых книгах превращают текст в «бессистемное собрание выписок» из «Повести временных лет», а пренебрежение остальными источниками (археологическими и лингвистическими) обесценивает работу [25]. Также историк указывает на то, что среди цитируемых работ встречаются откровенные статьи и книги фальсификаторов истории, например, генерала-лейтенанта А. Д. Нечволодова, считавшего, помимо прочего, что Троию захватили предки донских казаков [Там же]. На проблемы жанровой интерпретации акунинской «Истории...» обратил внимание Т. А. Мухаматулин. По его мнению, серия слишком масштабна, чтобы называться учебником, но в то же время переполнена историческими фактами, что не позволяет ей быть художественным текстом [19]. Литературная критика была не менее безжалостна к Б. Акунину: В. Топоров иронически заметил, что этот текст больше похож на наследие Э. Радзинского, нежели на труд Н. Карамзина [14]; М. Кучерская раскритиковала авторскую модель повествования, назвав ее «скучной», язык сравнила с лексикой «учебников для педучилищ», а историческую концепцию посчитала слишком поверхностной [16].

Укажем на весьма примечательную деталь: при общеизвестной склонности Бориса Акунина (Чхартишвили) к мистификачеству, активному использованию авторской маски во всех художественных произведениях (включая проект «Авторы» и др.) [20; 21], все «нехудожественные» проекты (достаточно вспомнить, например, эссе «Писатель и самоубийство», 1999) он публикует под своим настоящим именем (Г. Ш. Чхартишвили), как бы «снимая» маску беллетриста и подтверждая тем самым серьезность намерений (исключение, пожалуй, составляет «Аристомия», на обложку которой вынесено оба имени, маркирующих синтез собственно авторских размышлений об «исторической вине» равнодушного участника современного исторического процесса Г. Чхартишвили и романного повествования Бориса Акунина). В связи с этим показательно, что «История Российского государства» издана именно под маской Бориса Акунина, что со всей очевидностью предполагает и ориентацию на горизонт читательских ожиданий, и очередную попытку экспериментаторства, и отсутствие претензии на серьезное научное историческое исследование, тем более что приемы Акунина – автора детективных романов отчетливо прослеживаются в «Истории Российского государства». Фактически Акунин в «Истории...» примеряет маску культуртрегера-историка, внимательно всматривающегося в исторические горизонты не только России, но человека и человечества в целом и доступно излагающего отечественную историю читателю.

Уже в предисловии к первому тому «От истоков до монгольского нашествия. Часть Европы» Борис Акунин вскользь замечает, что не имеет конкретной исторической концепции. Однако, как следует из последующих томов, по сосредоточенности на определенных событиях и личностях (реформы Петра I, екатерининская эпоха и т.д.) субъективная историософская концепция, воплощенная в авторской системе взглядов на отечественную историю, у писателя есть: Акунин-историк осмысливает исторический путь России на фоне движения мировой, пытается постичь специфику русского национального характера и русской истории, «измерить» его в параметрах западной и восточной цивилизаций, подчеркивает отсутствие политической или идеологической «составляющей» своей «Истории...» [7], указывает на необходимость развенчания мифов, глубоко укоренившихся в национальном сознании и самосознании. Например, его интересует опровержение мнения о Великом Новгороде как о демократической утопии или о Монгольской империи как диком государстве, не знавшем закона и элементарных норм морали. В первом томе, посвященном истории племен, населявших будущую Русь, а также Рюриковичам, намечается тенденция к рассуждениям на темы альтернативной истории. Например, завершая том, Борис Акунин задает риторический вопрос: «Могла ли Русь остаться с Европой?» [Там же, с. 134]. Конечно, он сразу оговаривается, что история не терпит сослагательного наклонения, но как беллетрист, автор исторических детективов позволяет себе пофантазировать.

В «Части Азии. Ордынский период», включающей период от Монгольского вторжения на Русь (1237) и до правления Василия II Темного (1462), когда ханская гегемония фактически сошла на нет, Акунин сосредотачивается на азиатском компоненте Руси и проводит явные параллели с днем сегодняшним. Сюда впервые в серии включаются рассуждения о национальном характере и, в частности, о влиянии монгольской экспансии на его формирование. Например, прозаик делает вывод о том, что русское чинопочитание и отсутствие самоуважения берут свои истоки именно здесь, когда население Руси было вынуждено мириться с монгольским и княжеским произволом [6]. Для исторической концепции Бориса Акунина подобное сравнение с днем сегодняшним и объяснение современного состояния конкретным историческим событием становится характерным в последующих томах. Это сближает «Историю...» Акунина с традицией исторического романа В. Скотта, в котором одной из целей повествования является анализ сегодняшних событий через призму давно прошедшего, а переломная эпоха перестает быть драматическим моментом истории, но превращается в причину современного положения дел [8]. Так, в тексте «Истории...» Борис Акунин постоянно обращается к современности,

проводит параллели между историческими событиями и днем сегодняшним, делает масштабные обобщения. Например: «Великий князь... сажал на кормление – позволял кормиться за счет занимаемой должности. (Взгляд на рабочее место как на источник дохода у российских государственных служащих окажется очень прочным, переживет смену всех формаций и, в общем, сохранится вплоть до нынешнего дня)» [6, с. 173].

Подчеркнем, что одной из особенностей концепции Акунина-историка является отказ от противопоставления европейской России и азиатской. Так, завершая второй том, он замечает, что отделить одно от другого после монгольского вторжения стало невозможно, а диалог западной и восточной культур обеспечил уникальность и обособленность Российского государства [6]. Здесь Акунин-историк, как это ни парадоксально, сближается и с выдающимся мыслителем-славянофилом А. С. Хомяковым, рассуждавшим о «славянской стихии гуннов», и с Е. Замятиным, опиравшимся и в «Атилле», и в «Биче божьем» на сложившийся обширный «скифско-русский» контекст. Возвращаясь к «Истории...» Акунина, отметим весьма примечательную деталь: наследие узурпаторов «азиатов» оценивается писателем не только негативно. Например, истоки стереотипного представления о русской стойкости и готовности к лишениям, по его мнению, берут начало именно в этот непростой период. Более того, сама «вертикаль» власти, по мнению Акунина, во многом восходит к эпохе «азиатского» господства, что подтверждается его замечанием в недавнем интервью: «Российское государство было построено как сверхцентрализованная вертикальная модель, по-чингисхановски выстроенная сверху вниз, где все решения принимаются наверху и передаются вниз по эстафете» [11].

В повествующей о формировании российского самодержавия части «Между Азией и Европой. От Ивана III до Бориса Годунова», помимо ключевых свойств исторического повествования и в отличие от других томов «Истории...», присутствуют элементы таких жанровых форм, как легенды, мифические предания и т.д. Рассказ о зловключениях некоторых персонажей отечественной истории, попадающих в невообразимые авантюры, вполне сопоставим с пикарескным, приключенческим романом [3].

В части «Между Европой и Азией. Семнадцатый век» в центре внимания Акунина-историка излюбленная «точка невозврата» всех авторов исторических романов – Смута, поэтому здесь наиболее отчетливо воплощается исторический нарратив. Переломную эпоху прозаик изображает сквозь призму личности царей и самозванцев, а корни большинства нерешенных сотни лет спустя проблем предлагает искать именно в Смутном времени [4]. Примечательны здесь, кроме того, формы присутствия авторского «я». Поиск верной тональности общения с читателем, который начался с первого тома (заметим, что после его публикации Акунин проводил опрос в социальных сетях, который касался и наиболее предпочтительной для читателей манеры повествования), здесь продолжается. По мнению Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиненова, А. В. Снигирева, писатель в этой части «Истории...» не отказывает себе в ироническом пафосе и ведет своеобразную «игру на понижение» [23, с. 273]. О Смуте и разрухе он пишет как о потерянном, тяжелом, но и захватывающем времени, полном приключений и героизма, что отличает его от большинства историографов.

Весьма показательной в рецепции Акуниным отечественного исторического процесса становится часть «Азиатская европеизация. Царь Пётр Алексеевич», которая повествует о царствовании первого российского императора. Как следует из рассуждений прозаика, прекрасная идея европеизации была воплощена в жизнь с монгольским упорством и пренебрежением человеческими жизнями. «Велик ли Петр Великий?» – этот вопрос ставит в начале тома Б. Акунин и старается объективно оценить деятельность царя [1]. Фигура императора – при всем ее величии и многогранности – в рецепции Акунина неоднозначна и противоречива. С одной стороны, прозаик восхищается масштабом грандиозных реформ, с другой, по его мнению, цена их слишком велика. Более того, в уже цитируемом нами интервью, говоря о роли императора, его авторитарности в государственных вопросах, Борис Акунин замечает: «Что сделал Петр? Он взял рыхлое Московское царство XVII века, где на самом деле настоящей вертикали не существовало, она пошатнулась после Смуты. Там, кроме самодержавия... была очень сильная патриархия, авторитет церкви невероятно возрос после того, как она сыграла такую важную роль в национальном возрождении в начале XVII века, и еще там была боярская Дума, которая имела большое значение, а еще иногда приходилось собирать земские соборы. Петр на самом деле восстановил абсолютно жесткую, такую вот ордынскую структуру государства, абсолютную вертикаль, в которой все решалось только в одной точке, эта точка находилась в голове государя, все решения принимались только оттуда. Это никакая не европеизация, это абсолютная азиатизация, которая закамуфлирована париком, камзолом и башмаками с пряжкой» [11].

Более остальных книг серии походит на любовно-приключенческий роман «Евразийская империя. Эпоха цариц», которая охватывает период Российской империи XVIII в., когда российский престол занимали женщины-государыни. По мнению писателя, женская прихоть и своеволие фаворитов становятся главной движущей силой эпохи [2]. Здесь, по Б. Акунину, наибольшей актуальности достигает национальный вопрос, назревает внутреннее расслоение общества, сталкиваются либеральные устремления и необходимость жесткого управления. На примере цариц и их приближенных писатель демонстрирует, как претворять в жизнь смелые реформы, рощерком пера присоединять огромные территории и балансировать над пропастью социального хаоса [Там же]. Именно историческая роль Екатерины II, по Акунину, оказывается принципиальной, по сравнению с другими монархами, поскольку именно она явила первый, но весьма эффективный вариант «мягкой силы», позволяющей добиться в управлении державой куда больших результатов, по сравнению с мерами репрессивными.

Главному общественно-политическому спору первой половины XIX в. посвящена последняя на сегодняшний день книга «Первая сверхдержава. Александр Благословенный и Николай Незабвенный». Два сына императора Павла, Александр и Николай, становятся олицетворением двух противоборствующих идеологий: западничества и славянофильства. Любимец либералов Александр описан как победитель и реформатор,

который, однако, не осмелился или не успел довести начатое до конца. Консервативный и жесткий Николай, «икона» славянофильского крыла, изображается непростым, полным противоречий монархом, который видел главной целью процветание Отечества, но, как и многие предшественники, забывал о самом главном – ценности человеческой жизни [5]. Акунин, следуя обещанию, дистанцируется от либералов/консерваторов в оценках деятельности российских самодержцев, избегает резких характеристик, находя плюсы и минусы как в одной, так и в другой исторической фигуре и политической идеологии. Однако пафос повествования, одобрение либеральных реформ Александра, описание возможных свобод в противовес перечислениям жестокостей правления Николая позволяют говорить о воплощенном здесь «западническом» мировидении прозаика. Однако «западничество» это особого толка: Акунин в своих историософских размышлениях, скорее, «вписывается» в идеологию русской интеллигенции, которая в традиции А. Герцена, при общей направленности на просветительские европейские ценности, к которым в силу своей исторической и национальной самобытности, видимо, никогда не сможет приобщиться Россия, сохраняет скептическое отношение к их реальным социально-политическим проявлениям. Отметим, кстати, весьма примечательную особенность акунинской «Истории...»: включение в нее исторических повестей, действие которых разворачивается в описанный в соответствующем томе период (к примеру, «Огненный перст» и «Князь Клюква» в «Части Европы»; «Звездуха» и «Бох и шельма» в «Части Азии» и т.д.). Разумеется, анализ их жанрово-тематического своеобразия не является предметом данного исследования, но стоит отметить расширение авторской стратегии Акунина, выходящего за рамки объективированного повествования и иллюстрирующего его текстами, в которых описанный период осмысливается художественно [24].

Итак, мы пришли к следующим *выводам*. Историософская концепция Бориса Акунина, воплощенная в «Истории Российского государства», представляется целостным субъективным видением отечественного исторического процесса. Во-первых, внимательно всматривающийся в исторические горизонты жизни человека и человечества, Акунин осмысливает отечественную историю, ее закономерности и противоречия в неразрывной связи с историей мировой, в равной степени признавая и «азиатское», и «западное» влияние на формирование русской государственности и ментальности. Во-вторых, исторический процесс, по мнению писателя, тесно связан с настоящим. В-третьих, по Акунину, именно личность стоит в центре исторического процесса и является его движущей силой: яркие государственные деятели, по его убеждению, не раз влияли на исход тех или иных событий. Подобная трактовка сближает писателя не столько с историографами, сколько с авторами исторических романов, продолжающих традиции В. Скотта. Более того, прозаик в «Истории...» аккумулирует разнообразные жанровые элементы (от мифов до пикареского романа), расширяя авторскую стратегию, успешно балансируя на грани объективированного и субъективированного повествования, превращая серию в своеобразное продолжение своей беллетристики, с той лишь разницей, что ранее авторская стратегия Акунина подразумевала исторические вкрапления неотъемлемым компонентом сюжетного развертывания, тогда как в «Истории...» именно сложный и многомерный исторический процесс выходит на первый план, а его «персонажи» становятся структурными компонентами, иллюстрирующими «сюжетные» перипетии. Перспективной исследования является, во-первых, осмысление с точки зрения заявленной проблематики готовящихся к выходу в печать и завершающую акунинскую «Историю...» последних двух томов («Реформы и контрреформы. Вторая половина XIX века» и «Крах империи. Последнее царствование») в контексте всей серии и творчества прозаика в целом. Во-вторых, «История Российского государства», сочетающая в себе элементы различных жанровых форм, требует специального изучения в жанровом аспекте.

Список источников

1. Акунин Б. Азиатская европеизация. История Российского государства. Царь Петр Алексеевич. М.: АСТ, 2017. 460 с.
2. Акунин Б. Евразийская империя. История Российского государства. Эпоха царей. М.: АСТ, 2018. 520 с.
3. Акунин Б. Между Азией и Европой. История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова. М.: АСТ, 2015. 540 с.
4. Акунин Б. Между Европой и Азией. История Российского государства. Семнадцатый век. М.: АСТ, 2016. 470 с.
5. Акунин Б. Первая сверхдержава. История Российского государства. Александр Благословенный и Николай Незабвенный. М.: АСТ, 2020. 490 с.
6. Акунин Б. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. М.: АСТ, 2014. 270 с.
7. Акунин Б. Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М.: АСТ, 2014. 396 с.
8. Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России: исторический роман 1830-х годов. СПб.: Академический проект, 1996. 342 с.
9. Бобкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии: дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2010. 200 с.
10. Георгий Гачев: опыты жизнемышления / публ. А. Гачевой // Литературная газета. 2014. 30 апреля – 6 мая.
11. Григорий Чхартишвили: «Я абсолютно верю в счастливую Россию» [Электронный ресурс] // Новая газета. 2020. 25 мая. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/20/85462-grigoriy-chhartishvili-ya-absolyutno-veryu-v-schastlivuyu-rossiyu> (дата обращения: 23.05.2020).
12. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2019. 704 с.
13. Казачкова А. В. Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 – начала 2000-х гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2015. 20 с.
14. Карев И., Сайгонов И. Акунин пишет биографию России [Электронный ресурс] // Газета.ру. 2013. 20 марта. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2013/03/20/a_5110401.shtml (дата обращения: 05.05.2020).
15. Корчагин П. Карамзин для бедных и ревнители официальной народности [Электронный ресурс] // Филолог. 2013. № 25. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_25 (дата обращения: 05.05.2020).

16. Кучерская М. Борис Акунин написал первый том «Истории Российского государства» [Электронный ресурс] // Ведомости. 2013. 21 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/11/21/na-sluzhbe-persta> (дата обращения: 05.05.2020).
17. Макаркин А. В. Россия, которую мы не теряли. Борис Акунин создает эпос нового типа // Сегодня. 2008. № 7.
18. Мифы «новой хронологии». Материалы конференции на историческом факультете МГУ 21 декабря 1999 г. / под ред. В. Л. Янина. М.: МГУ, 2001. 296 с.
19. Мухаматулин Т. А. Зеркальная история [Электронный ресурс] // Газета.ру. 2013. 21 ноября. URL: https://www.gazeta.ru/science/2013/11/21_a_5763693.shtml (дата обращения: 05.05.2020).
20. Осьмухина О. Ю. Специфика авторской стратегии Бориса Акунина: жанровый аспект // Евразийское научное объединение: перспективные направления развития современной науки. 2016. № 3 (15). С. 143-147.
21. Осьмухина О. Ю., Карпов А. Д. Своеобразие исторического романа Бориса Акунина в проекте «Анатолий Брусникин» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 37-41.
22. Райнеке Ю. С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2002. 22 с.
23. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В. Между историей и литературой: авторские стратегии Б. Акунина в «Истории Российского государства» // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX Международ. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 273-282.
24. Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В. Этнонациональная проблематика в исполнении Б. Акунина (проект «История Российского государства») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 80-85.
25. Соколов Н. П. «История Российского государства» Акунина с точки зрения строгой науки [Электронный ресурс] // Афиша-Воздух. 2013. 6 декабря. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/istoriya-rossiyskogo-gosudarstva-akunina-s-tochki-zreniya-strogoy-nauki/> (дата обращения: 05.05.2020).
26. Солдаткина Я. В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике. М.: МПГУ, 2015. 160 с.
27. Черняк М. А. Актуальная словесность XXI века: приглашение к диалогу. М.: Флинта; Наука, 2015. 232 с.
28. Эпштейн Э. Древняя Русь как источник скреп [Электронный ресурс] // Газета.ру. 2016. 29 июля. URL: https://www.gazeta.ru/science/2016/07/29_a_9707477.shtml (дата обращения: 05.05.2020).

Representation of History in “History of the Russian State” by Boris Akunin

Osmukhina Olga Yuryevna, Dr
Karpov Anton Dmitrievich

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
osmukhina@inbox.ru; antonkarpov1996@yandex.ru

The research objective includes analysing specificity of history representation in “History of the Russian State” by Boris Akunin. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researchers for the first time consider Boris Akunin’s perception of the Russian history, his historiosophical conception. The findings indicate that the conception of history developed in “History of the Russian State” (previously fragmentary represented in “Fandorin” cycle and “Aristonomia”) corresponds with the writer’s approach – “Westernism” of a special type: emphasizing enlightenment values, Akunin preserves a critical attitude to their actual socio-political manifestations in the purely Russian context.

Key words and phrases: Boris Akunin; author’s worldview; historiosophy; historical prose; modern Russian literature.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.9>

Дата поступления рукописи: 23.05.2020

Цель исследования состоит в формулировании концепции темпоральности романа «Герой нашего времени». В статье показывается, как ресемантизация категорий «дня» и «ночи», «утра» и «вечера» порождает инверсионность хода времени в романе. **Научная новизна** исследования заключается в том, что особенности темпоральности романа «Герой нашего времени» соотносятся с концепцией внутреннего и внешнего времени А. Бергсона и категорией «пространственной формы» Д. Фрэнка. **В результате** доказывается, что концепция инверсионного времени, утверждаемая в романе, выступает ключом к пониманию мировоззрения и позиции героя-протагониста.

Ключевые слова и фразы: М. Ю. Лермонтов; «Герой нашего времени»; темпоральность; семиотика; концепция темпоральности; метатеза; ресемантизация.

Погребная Яна Всеволодовна, д. филол. н., доц.
Ставропольский государственный педагогический институт
taknab@bk.ru

Семиотика дня и ночи и концепция темпоральности в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Актуальность. Уже в названии романа М. Ю. Лермонтова акцентируются две ключевые проблемы – героя и времени. Начиная с работ Б. М. Эйхенбаума [24; 25], в исследованиях, направленных на идентификацию